

1

*Долина Гудбранна, центральная Норвегия
Поздняя осень 1217 года от Рождества Христова*

На вершине невысокого холма, под небом цвета старого сланца, распростерлись мертвые тела. Все они были в растерзанных доспехах: кольчуги порваны, щиты сломаны, а шлемы расколоты на части свирепыми ударами. Не было им счёта, и лежали они не идеальными рядами, — так мертвецы лежат после того, как сталкиваются стены из щитов, а люди падают, словно колосья под лезвием жнеца, — а скорее кучками и буграми, будто сам Спутанный Бог, хитроумный Локи, решил наполнить землю прахом убитых норманнов. Их кровь смешивалась с другими телесными жидкостями, превращая ранний снег под ногами в алую кашицу.

Холодный северный ветер стонал в вечнозеленых елях, окружавших холм. Он гремел древками копий, что росли из тел убитых как трупные цветы, их лезвия уходили корнями в животы и спины; он разрывал ткань

сброшенных знамен. На некоторых была изображена голова волка на белом поле. На других, более многочисленных, красовался чёрный крест. Вдруг ветер стих; воцарилась абсолютная тишина.

Среди этого запустения мелькнуло движение. Великан с каштановыми волосами, одетый в драный пластинчатый доспех, вскочил на ноги, крепко сжимая в окровавленном кулаке зазубренный меч. От его дыхания шел пар, пока он пыхтел после напряжённой битвы. С его бороды капали кровь и слюна; запачканное алым лицо было обращено к небесам. Нетвердо стоя на ногах, великан переступил нагромождения трупов, обозначивших горнило битвы, и начал искать наверху малейший признак божьей милости к его победе — разрыв в облаках, луч света из небесного царства, хоть что-нибудь. Но перед ним раскинулось лишь бескрайнее тёмно-серое пространство, твёрдое, как арктические льды. Слёзы навернулись на его глаза, и великан поднял меч рукоятью к небу.

— И-Иисус! — сказал он хриплым голосом. А затем громче: — Иисус!

— Он тебя не услышит,— протянул в ответ кто-то за его спиной.

Мужчина резко обернулся.

Из того же месива трупов поднялась женщина. Однорукая дочь Одина, чьё левое запястье заканчивалось железным кулаком, созданным специально для щита. Похожая на рубины кровь свернулась в звеньях её кольчуги — теперь изрубленной и рваной после всех этих схваток с копьями.

— Ульфрун Хаконардоттир,— произнёс великан, скалясь и шипя от гнева.

Женщина, Ульфрун, тяжело опёрлась на длинную дубовую рукоять топора. Здоровой рукой сняла то, что осталось от шлема,— он треснул по швам в том месте, где принял на себя смертоносный удар. Ульфрун отбросила его в сторону. Мокрые волосы цвета древесной золы рассыпались по её плечам.

— Хеймдул Клятвопреступник,— прорычала она.

— Женщина, у тебя больше жизней, чем у кошки! Я видел, как Гутрум нанёс тебе смертельную рану.

— Это? Так, детская игра,— ответила Ульфрун.— Твой Гутрум решил меня пощадить и умер за это.

— Тогда ему выделили славное место по правую руку от Христа, рядом со святыми и мучениками.

Громкий смех Ульфрун был похож на стук камней.

— Эта ложь тебя успокаивает, Клятвопреступник?

— Мои чресла опоясаны поясом истины,— сказал Хеймдул. Он хрустнул косточками в шее, сняв с плеч напряжение, затем ударил плоской стороной меча по каблуку своего подкованного сапога, сбивая кровавый ледяной налёт.— А на груди — знак правосудия.

Ульфрун подняла топор, его изогнутое лезвие было выковано из испанской стали, а рукоятку пересекали железные тяги.

— И эти лохмотья ты будешь носить со всеми своими псами, что сидят за дверями Вальхаллы и выпрашивают объедки со стола Всеотца! Вы повернулись к нему спиной! Разрушили его алтари, сожгли священные рощи, и ради чего? Чтобы ваш несчастный правитель получил корону, благословленную каким-то

целующим крест идиотом в Риме? Нет, Хеймдул Клят-вопреступник, ты скоро узнаешь правду!

— Языческая ведьма! У нас только один отец, и он — не одноглазая сказка, которую рассказывают детям! Один? Плевал я на твоего Одина! Я мочусь на твоего Одина! Я сын Божий, присягнувший Белому Христу!

Быстрее, чем можно было ожидать из-за его крупного тела, Хеймдул начал бой. Он взмахнул своим зазубренным клинком, стремясь нанести удар слева. Ульфрун не дрогнула. Она не уклонилась от свистящего клинка, который вот-вот мог оборвать её жизнь. Вместо этого шагнула вперед и поймала его костяшками пальцев своего железного кулака. Меч сверкнул и отскочил; лязг удара разнесся эхом по холму. Далеко на севере, из-за окутанных облаками вершин, словно в ответ донесся раскат грома. Ульфрун откинула голову назад, прислушиваясь к чему-то, что могла слышать только она, а потом обнажила зубы в свирепой улыбке, ничуть не смягчавшей жёсткие черты лица.

— Я же говорила,— сказала женщина, опуская взгляд, чтобы посмотреть на Хеймдула. Её голубые глаза мерцали ужасным магическим светом.— Твой Пригвожденный Бог не слышит тебя.

Ульфрун Хаконардоттир — Ульфрун Железная Рука — была подобна буре. Она сражалась как волчица, в честь которой и была названа, её коварство и ловкость закаляли дикий дух, вплетенный на станке в клубок её жизни. Так же, как и у волчицы, её поджарые мышцы и крепкие сухожилия были не слабее мужских. Лезвие топора сверкнуло в бледном свете осени, и она яростно обрушивала удар за ударом на щит своего

врага. Прерывистое дыхание, звенящий треск, скрежет и скольжение стали по железу были единственными звуками, пока она отбивала неуклюжие ответные удары Хеймдула и чуть не снесла ему голову. Его спас лишь поспешный прыжок назад.

Ульфрун дала ему минутную передышку — достаточно, чтобы почувствовать холодные руки Норн, пока те собирали распущенные нити его жизни, держа наготове ножницы. Хеймдул стоял в тени своей гибели и не видел её. Это было ясно написано в глубоких зарубках на его мече, в поту, что обжигал глаза, и в дрожащих конечностях. Он был так близок к краю пропасти, что ему даже не хватало дыхания воззвать к своему Пригвожденному Богу. Ульфрун окинула всё это взглядом... и рассмеялась.

Этот звук, язвительный женский упрёк, поразил Хеймдула так, как ни один физический удар. Он прошёл сквозь кольчугу и впился в кожу. Когда же проскользнул сквозь мышцы и кости, пронзил обнажённое сердце его хрупкой гордости, Ульфрун увидела, как Хеймдул поморщился. Она подумала, что в тот момент ему было ни до любви Белого Христа, ни до божественного спасения. Помнил ли он наставления этого так называемого Господа подставлять другую щеку и возлюбить врага своего? Нет. Лицо норманна налилось яростью. Тут не хватит никакого прощения. Эту боль могла исцелить только кровь. Кровь Ульфрун. Мужчина обнажил зубы в животной ухмылке. Побелевшие костяшки пальцев хрустнули, когда он обеими руками схватился за рукоять меча. И тогда Хеймдул с бессвязным криком ринулся в атаку.

Ульфрун остановила его на полпути. Ей не хотелось испытывать свою силу против его, потому что противник был подобен разъяренному, безумному быку. Нет, она просто уклонилась от удара, который наверняка смог бы рассечь её тело от макушки до промежности, а потом развернулась на носках, когда Хеймдул неуклюже прошёл мимо. Прежде чем он успел оценить обстановку, топор Ульфрун очертил узкую дугу; он попал высоко, у основания его черепа. Хрустнула кость. Хлынула кровь. И крик Хеймдула превратился в хриплое бульканье. Его меч выпал из обессиленных рук.

Ульфрун ослабила хватку на рукояти топора.

Но даже с глубоко вонзившимся в позвоночник клинком пораженный норвежец продолжал идти, волоча ноги по взрыхленному и забрызганному кровью снегу. Он пошатнулся, наполовину обернулся и наконец рухнул на землю, как детская марионетка, у которой отрезали верёвочки.

Вновь воцарилась тишина.

С севера раздалось гулкое эхо грома.

Ульфрун выдохнула, а затем задышала часто и прерывисто. Пошатываясь, подошла к телу Хеймдула и здоровой рукой схватилась за рукоять топора. Ульфрун немного его раскачала, потом поставила ногу на затылок убитого и выдернула лезвие.

Кряхтя от усилия, она ударила его снова. И снова. С каждым ударом раздавался звук бойни — хруст хрящей и треск сухожилий, мягкое хлюпанье окровавленной ткани, разрывающейся под давлением стали, скрежет расщеплённых костей; на третьем голова Хеймдула отделилась от тела.

Ульфрун наклонилась и схватила ее за гриву спутанных от крови волос.

— Один! — взревела она, размахивая отрубленной головой своего врага в сторону северного горизонта. — Один! Смотри сюда! Смотри...

Она снова пошатнулась, когда внезапная болезненная усталость лишила её сил. Облака над головой кипели и пульсировали; вечнозеленые деревья раскачивались, как гибкие девы, танцующие под недоступную никому мелодию. На поле, где убийца встретил убийцу, остались только убитые... и они тоже кашляли и вздыхали перед её расплывчатым взором — море красного и белого, плоти, крови и разорванных кольчуг, чьи стальные края угрожали напасть на неё.

— О-Один!

Ульфрун Железная Рука прошла десяток шагов, прежде чем бледный свет солнца внезапно померк. Она опустилась на снежную корку, а затем повалилась набок, всё ещё держа волосы Хеймдула в своих пальцах. Она лежала неподвижно, и её накрыла темнота, словно уютное покрывало.

Она не знала, как долго так пролежала. Время не имело никакого значения. Минута, день, год, целая жизнь — всё было для неё одним, но мир вращался, ветер вздыхал, и вдалеке она слышала рокот грома, похожий на боевые барабаны Асгарда. Ульфрун неумолимо чувствовала, как жизнь снова возвращается в её тело. Она согнула замерзшие конечности, двигая мышцами и сухожилиями, несмотря на бесчисленные мучительные уколы, желая ослабить хватку пальцев на волосах мертвеца. Женщина медленно перевернулась на спину

